

И. П. ЕРЕМИН

Драма-игра „Царь Ирод“

Характеризуя репертуар так наз. «народного» игрового театра (XVIII—XIX вв.), обычно говорят о «Царе Максимилиане» и «Лодке» или «Шайке разбойников». Между тем репертуар народного театра далеко не исчерпывается этими двумя пьесами. В этнографической литературе, посвященной описанию разного рода народных увеселений и игр, рассеяно немало сообщений о целом ряде «драм», из которых многие представляют неменьший историко-литературный интерес, чем прославленные «Царь Максимилиан» и «Лодка». Одной из таких драм, несправедливо обойденных историками игрового театра, и посвящена настоящая статья. Речь идет о популярной в недавнем прошлом и у нас на Севере, и на Украине, и в Белоруссии святочной игре в «царя Ирода».

Типичная шутовская буффонада, восходящая своими корнями к мистериальному театру западноевропейского средневековья, эта драма-игра представляет собою пережиток далекого прошлого в условиях нового времени: не только в XIX в., но и в XX в. живет театральный жанр, происхождение которого относят к XI в., а расцвет к XIII—XIV вв. Драма-игра «Царь Ирод» интересна, однако, и не только в этом отношении; самым фактом своего бытования в недавнем прошлом она в особенности наглядно иллюстрирует ту позицию, которую всегда занимало правительство царской России в вопросе о «народном» театре: не препятствуя бытованию игр типа «Царя Ирода», всячески мешать продвижению в народные массы настоящей литературной драмы.

I

Первым в этнографической литературе более или менее подробным описанием этой игры, а также текстом самой драмы, мы обязаны А. Малинке.¹ Игру А. Малинка видел в г. Нежине; там же записал и текст драмы со слов одного николаевского солдата Александра Збронского, родом из с. Тульчина Брацлавского уезда, Каменец-Подольской губернии. По словам А. Збронского, драма была «составлена» солдатом Котляревским, который в свое время играл роли Ирода и мужика, был сценаристом и гри-

¹ А. Малинка. К истории народного театра. Этнограф. обзор., 1897, № 4, стр. 37—43; ср. М. Харламов, «К истории русского театра». Филолог. зап., V, Воронеж, 1911, стр. 753—761.

мировщиком, а также заведывал бутафорскими принадлежностями. «Представления происходили на рождественских святках, — сообщает А. Малинка. — Солдаты брали у своего начальства разрешение и отправлялись с кулисами (ширмами) и прочими театральными принадлежностями по домам жителей города. Солдат, игравший роль донского казака, входил в дом и, показав разрешение, спрашивал, желают ли хозяева видеть их игру. Получив согласие, солдаты-актеры расставляли ширмы, переодевались, и представление начиналось».¹ Записанную им драму А. Малинка подразделил на пять действий. Действие первое начинается с того, что Ирод в мантии, в короне, со скипетром и державой в руках сидит на троне и зовет: «Воя, воя, престаньте ко мне двоя в тот же час!» Входят «Спекулятор» и Донской казак: «Что, цару Гироду, требуешь?» Царь приказывает им отыскать «некоторых баб, что варылы грибки». «Спекулятор» и казак уходят. Входят казак и Рахиль с ребенком, сделанным из соломы. «Спекулятор» обращается к царю: «Что, царь, вельшь, — отпустить или казнить?» Царь приказывает казнить. Рахиль падает на колени и просит царя пощадить «невинную душу». Царь неумолим. «Спекулятор» вонзает меч в ребенка, поднимает его вверх и бросает к ногам Ирода. Хор поет: «Не плачь, Рахыля, дятя твое жыве; телом убиенне, но душа спасенна». Является Смерть с косою: «А полно тебе, цару Героду, на сем свити жыты, чаю-пуншу пыты, а времяя тебе иты в ад вечно жыты». Ирод мечется в разные стороны. Смерть косою ударяет его по шее. Ирод падает. Два «служителя» уносят Ирода. Вслед за этим эпизодом следуют в записи А. Малинки отдельные сценки интермедийного характера, с «Царем Иродом» не связанные. Действие второе начинается выходом Наполеона в белых штанах, ботфортах, мундире и треуголке, — персонажа, имя и внешний облик которого «составителю» драмы Котляревскому могли быть подсказаны лубочными изображениями этого императора.² Наполеон кланяется публике и произносит монолог, составленный из традиционных формул выходного приветствия «скорохода-фельдмаршала» в драме «Царь Максимилиан» и первого монолога самого Максимилиана: «Вот, русский господа, я прыхал к вам сюда. Вы знаете, хто есть таков? Я есть французский король, по имени-прозванью Наполион; на престоли сидаю и вси земли забыраю. . .»³ Является горбатый мужик, одетый в лохмотья. Между Наполеоном и мужиком завязывается беседа: Наполеон расспрашивает мужика, кто он такой, из какой деревни и т. п.; мужик отвечает. Беседа эта представляет собою вариацию диалога барина и мужика или «старосты» известной народной драмы «Барин» или «Помещик».⁴ В действии третьем выступает Донской казак. «Голя, голя! Я казак из чыстого поля, — представляется он зрителям. — Я козацькой натуры: пропился од ног и до шкуры; на мне куртка и шаровары из свынячої шкуры; шабля пры

¹ А. Малинка. Ibid., стр. 49.

² См. Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. V, СПб., 1881, стр. 278—284, 475—476.

³ Ср. Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, стр. 2, 50 и др.

⁴ Ср. Е. Н. Ончуков. Ibid. стр. 126—133.

боку, сам без оку. . .» Он рассказывает, как его «вторась у гостях шанувалы», какой он «предивный сон» видел, затем поздравляет всех с праздником пасхи: «Крестос воскрес!» Голос из-за ширм напоминает ему, что нынче не пасха, а рождество: «Брешы, як пес!» Казак приглашает одну из присутствующих на представлении девиц выйти за него замуж и обещает ей за этошить шубу «с вовкив, из лысыць, из прусакив, блошыць. . .», а затем «з горя» запеваает песню: «Да немає лучче, да немає краще, ой, як у нас на України. . .» Является еврей. Казак просит у него, «собашковой горилки». Сцена, несомненно, заимствована из вертепа, откуда в наш вариант попали не только образ казака-гуляки и эпизод с евреем, но и такая деталь, как ошибочное поздравление с праздником пасхи.¹ В четвертом действии выступают «Лыцарь» и девушка. «Лыцарь» обнимает девушку; девушка отталкивает его. «Лыцарь», в любовном отчаянии, стреляет из револьвера в девушку. Из-за ширм раздаётся известный «жестокий» романс: «Померла наша надежда и скончалася любовь. . .» Заканчивается драма А. Малинки диалогом цыгана и цыганки. Цыган спрашивает цыганку, где она «скрывалася»; цыганка сообщает, что «ходыла на трейте село сыровцю добываты»; цыган предлагает ей «нызенько» поклониться зрителям: «Паны любы, паны мылы што-ныбудь на ручку скинуть». Цыганка берет тарелку и просит у зрителей вознаграждения, а цыган по временам подгоняет ее плетью. Эта сценка пятого действия также находит себе параллель в вертепной драме, в частности в ряде ее белорусских вариантов.²

Интересные сведения о постановке «Царя Ирода» в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1889 г. сообщает М. К. Васильев.³ Здесь «Царь Ирод» ставился одновременно с «Царем Максимилианом»; сводная пьеса носила название «Трон», и, по словам М. К. Васильева, исполнялась из года в год более двенадцати лет. «Уже за несколько недель до рождественских праздников, — рассказывает М. К. Васильев, — идет в рабочих казармах Лебединского сахарного завода, в свободные от смены двенадцать часов и даже между делом на самом заводе, разучивание ролей; несколько искусников готовят в то же время из закупленной разноцветной и золотообрезной бумаги убранство для играющих: шапки, военные костюмы, напоминающие форму павловских времен, мечи и пр. Определенного места для игры нет. В первый день праздника, в час или два пополудни появляются «тронщики». Царь Максимилиан, идя впереди, заходит под ряд в квартиры служащих и испрашивает позволение на представление; если получается положительный ответ, то труппа заходит в комнаты и открывает действие. . .; кончив в одном доме, идут в следующий. «Трон» обыкновенно сопровождается «музыкой» из двух, трех музыкантов-украинцев. . . Обошедши всех «панов»,

¹ См. Е. Марковский. Український вертеп. У Кієві, 1929, стр. 76—82, 88—91, 175.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник. VIII. Вильна, 1912, стр. 101. Ср. П. В. Шейн, «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», т. III, СПб., 1902, стр. 150—151.

³ М. К. Васильев. К истории народного театра. Этнограф. обзор., 1898, № 1, стр. 76—100.

труппа до вечера гуляет, выпивает; на следующий день обыкновенно предпринимается путешествие в соседние местечки и сахарные заводы. . . »¹ Текст представления М. К. Васильевым был записан от Филиппа Терешкова, крестьянина с. Уоковичи Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Выходит царь Ирод и сообщает зрителям, что «в городе Вихлиеме народился новый царь юдейский», который хочет его «с царского престола сверзгнуть». Ирод зовет своего «воина». Является Аника-воин. Ирод ему приказывает: «Пойди, братец, во все четыре страны, край белого свету, зайди в город Вихлием, зруби младенцев мужского полу яко двух до трех лет». Ирод уходит. Аника прохаживается, размахивает мечом, делая вид, что истребляет младенцев. Снова появляется Ирод. Аника сообщает Ироду, что приказ его выполнен, чему «свидетель» — меч. Ирод обещает Анике «большую награду». Аника уходит. Ирод похвально: «Хожу я, броджу я по чистому полю, по широкому раздолю, нет мне стрешника-поперешника, с кем бы я мог биться-рубиться на сбрую ратную, на меч булатный». Является Смерть.

С м е р т ь. Вот я тебе стрешница и поперешница.

И р о д (*кидаясь к Смерти*). Ох ты баба, ты старуха, подозрное у тебя брюхо.

С м е р т ь. Я не баба, не старуха, я — твоя смерть. . .

Ирод, опешив, просит у Смерти «свободы» сперва на три года, потом на три месяца, наконец, на три дня. Смерть отказывает ему в просьбе, заманивается косою и убивает его. Хор поет:

Время льется так, как речка,
Год проходит так, как час;
Человек живет, как свечка:
Ветер дунул — он погас.

Входит Аника-воин и говорит: «Истинно, господа, время льется так, как речка. . . Так и сей Ирод: учера пил, гулял, веселился, но сегодня пришла смерть, скасовала его. О, погиб Ирод, погиб! Но я был, господа, его воин. Теперь сам предаю себя злой смерти. . . Нет, господа генералы, не предам себе смерти, предамся королю Мамаю ухтерительно (*sic!*) службу служить». Хор поет: «Ох, ты Ирод, ты безбожный, поспешай скорей во ад».

Е. Гай-Сагайдачная в статье «Три царя»,² следующим образом описывает представление «Царя Ирода», которого она одновременно с «Царем Максимилианом» видела в Чугуеве в исполнении труппы, состоящей из 32 человек: «. . . Грянул выстрел, и в залу вошел, как оказалось, «палач Брамбеус», огромный, широкоплечий мужица в красной кумачевой рубахе, в высоких сапогах с двумя кинжалами и тремя старинными большими пистолетами за поясом. . . Он взял кресло и

¹ М. К. Васильев, *Ibid.*, стр. 77.

² Южный край, 1900. № 6877.

поставив посреди сцены, молча удалился. Три выстрела один за другим означали приближение царя Ирода. Хор запел:

Х о р. Во парь Ирод грядет
Во все страны пленитесь
В Вифлеем вифлеемский.

Появился царь Ирод. На нем была черная бурка с нашитыми клоками ваты, на голове корона из золотой бумаги и в руках длинная палка. Он вошел торжественно и важно, сел на кресло и начал, сильно волнуясь:

И р о д: Я слышал, господа, от своих учителей и законодателей, что в городе Вифлееме народился царь иудейский и хатит меня с этава престола свергнуть, — ну, а я этого ужасаюсь и не магу сваво сердца вталить, чтобы младенцев не избить. Ох, война ты мой воин, где ты мой любезный воин. . .

Является воин в старом солдатском мундире с кумачными лампасами на клетчатых нанковых шароварах, с тремя орденами от котильона, в игрушечной каске, с пехотным тесаком и саблей наголо.

В о и н. Здесь, здесь, царь Ирод. Зачем изволишь призывать и куда изволишь посылать?

И р о д. Пойди во все страны иудейские, избей младенцев мужеска пола от двух и до трехлетнего возраста, где только можешь приобрести.

В о и н. Пойду и изобью (*уходит*).

Хор за сценой поет: «Дева днесь».

В о и н (*входит*). Ходил и избил. Ну, одна ихняя женщина не дает младенца губить, хочет твоей милости просить.

Входит актер, одетый в женский малороссийский костюм, прижимая к груди ребенка, свернутого из тряпок, и горько плача.

Подойдя к Ироду, она становится пред ним на колени.

Ж е н щ и н а. Ирод, Ирод, царь ты великий, не губи сына моего ты единого, оставь его ты на радость мне, на радость да на утеху.

И р о д. Брось, брось, злодейка, а то будет и тебе, что чаду твоему — смерть.

Ж е н щ и н а. Пощади! Сына моего не губи!

И р о д. Взять его силой.

Воин вырывает ребенка и бросает его на пол. Вбегает душ двадцать воинов все с саблями наголо, у многих пики. Один из воинов подражает крику ребенка. Воины набрасываются на ребенка, закалывают его и выкидывают за кулисы. Мать с криком бросается за ним. Солдаты уходят.

Входит Смерть. В длинной белой женской рубаше, на которой углем нарисован скелет, голова туго повязана белым платком, на ногах белые шерстяные чулки без башмаков, в руках коса. Смерть идет медленно, неслышно, скользя по полу, и рукой дотрагивается до Ирода.

И р о д (*вскакивая, грозно*). Прочь, старая старуха, распорю тебе брюхо, как ударю в висок, рассыпешься в песок. Прочь, баба негодяйка.

С м е р т ь. Будет тебе, царь, царевать, пора и с места уставать. Я не баба негодяйка, я мать смерть твоя.

И р о д (*падая перед ней на колени*). Смерть! Ох, смерть, мать моя, дай мне еще хоть один год пожить.

С м е р т ь. Нет.

И р о д. Месяц.

С м е р т ь. Нет.

И р о д. День.

С м е р т ь. Нет. Коль говорить с тобой мало тебе голову снимаю или позову брата с питейного ада. Братья, братья, возьмите его.

Выскакивают два черта в вывороченных тулупах, в масках с рожками, тащат Ирода, он падает, упирается. Смерть идет за ними.

Х о р (*поет*). Погиб, погиб Ирод ужасный

Смертью несчастной,

Не говоря худого слова,

От беззакония большого».

Необычайно пышную постановку «Царя Ирода» в 1910 г. видел А. Смирнитский¹ в Новоархангельской волости Елизаветградского уезда Херсонской губернии: в представлении — «Царь Ирод» шел одновременно с «Царем Максимилианом» — было занято около пятидесяти человек; спектакль сопровождали хор певцов, шумовой и духовой оркестры. А. Смирнитский так описывает первую часть виденного им представления этой сводной пьесы, которую местные жители называют «Троном»: «По середине комнаты, сарая ставится трон — высокий стул, спинка которого удлиняется подвешиванием палок, — покрывается кумачем и разукрашивается золотой бумагой. Полукругом располагается хор. На троне садится царь Ирод. Три волхва; они в белых, чистых сорочках, «гарно» вышитых, подпоясанные широкими цветными поясами; две широких ленты обхватывают накрест грудь; на груди иконы с изображением рождественского вертепа; на голове картонные шестизубчатые короны, оклеенные золотой бумагой, украшенные серебряными звездами и крестами; остальное одеяние их — обыкновенное праздничное платье. . . Волхвы выходят вперед, останавливаются вправо и впереди трона; у них в руках восковые зажженные свечи; они поют рождественский кондак «Гряде звезда чудна», и ветер в нарочно открытую на это время дверь колеблет пламя их свеч, и, когда кончают петь, он гасит их (конечно, они задувают сами): от небесного они переходят к земному. Ирод обращается к ним с вопросом, куда они идут. «Поклониться новорожденному младенцу», — отвечают они, и Ирод просит их сообщить, где находится этот младенец. Но один из них вполголоса убеждает остальных не говорить. «ибо он погубит матеря и отроча». Один за другим волхвы тают в хоре. Следует небольшая

¹ А. Смирнитский. К вопросу о вырождении вертепной драмы. Изв. Одесск. библиограф. общ., т. II, вып. 5, Одесса, 1913, стр. 194—211.

пауза, после которой Ирод, высказав опасения за свое царство, зовет война. Воин, выскочив из хора, салютует ему саблей, «как полагается»: он поднимает ее в уровень с глазами и опускает. «Явление мое пред тобою!» — выкрикивает он, как можно громче, сильно сжимая горло: — «Не вгодно ли песни петь пред тобою?» Но Ирод песен не хочет слушать. Он приказывает ему отправиться в Вифлеем и избить, изрубить младенцев «от ниже двух и до трех летнего возраста». Воин, просалютовавши, отправляется исполнить приказание Ирода. Хор поет тогда первую «печатальную» песню:

Черная хмара наступила на небеса,
А вже нашему Иродею помрачались глаза.
Гряди, гряди ты, безумный, во град воевать.
А ще дав нам таку волю, щоб младенцев убивать.

За первой непосредственно следует и вторая, рассказывающая бегство Иосифа и Марии в Египет. Таким образом хор рассказал, что должно было непосредственно произойти перед зрителем: избивание вифлеемских младенцев и бегство Иосифа в Египет. Ирод заставляет вернувшегося война, в доказательство, при нем убить ребенка, которого выносит мать из хора. Появляется Смерть; она дает, по его просьбе, «вильготы на три часа, потому что младенцы еще не считанные», и затем дает ему «острую косу». Хор опять рисует то, чего нельзя изобразить:

Врата ада растворилися, без терпения тебя ждуть.
И все грозно расступилися, словно свищут, отсекут.
Просветился ты, безбожный, поспешай скорей у в ад.
С раскаленными цепями, сатана ты, адский брат.
Время льется так, как речка,
Год проходит так, как час;
Человек живет, как горит свечка:
Ветер дунул й он погас.

Так наш царь Ирод: вчераж жил, пил, веселился, а нынче смерть с блестящею косою разом поразила его.

Является Чорт, берет Ирода за плечи и ведет его в ад; хор стучит ложками. Старший воин, лишившись своего любимого начальника, Ирода, думает кончить жизнь самоубийством, но, чтобы «не нарушить закона против веры Авраамовой», идет и предается неверному королю Мамаю: «Здравия желаем, твое султанское величество! Я пришел принять твое покровительство», говорит он королю Мамаю, пока еще не выделявшемся из хора. Король Мамай принимает его, и хор поет ему славу.¹

Драма «Царь Ирод» была известна не только на Украине.

В 1907 г. Н. Е. Ончуков, путешествуя по Северу, набрел на следы этой драмы в с. Чекуеве на р. Онеге. Здесь Н. Е. Ончукову удалось свести

¹ А. Смирнитский. Ibid., стр. 196—198. В Елизаветградском уезде Херсонской губернии ежегодные представления драмы «Трон» были традиционными. Ср. В. Ястребов. Святочная народная драма „Трон“. Киевская старина, 1895, № 2, стр. 55—59.

знакомство с волостным старшиной С. Я. Коротких, местным знатоком «Царя Максимилиана» и других пьес игрового театра. В с. Чекуеве, по словам С. Я. Коротких, «Царя Максимилиана» играют так: «Вносят на сцену трон, выходит царь Ирод, в солдатском мундире, в порфире из шубы на меху и короне и заявляет, что он грозный царь Ирод и воцарился не для того, чтобы сделать урон, а чтобы сделать мир, тишину и оборону, а сам зовет фельдмаршала и приказывает ему обойти все стороны и побить всех младенцев. Скороход-фельдмаршал уходит и приводит мать с отроком, но выходит Смерть и говорит: «Полно царю Ироду на сем свете царствовать, младенцев убивать, невинную кровь проливать». Ирод просит пожить, погулять, повеселиться, с белым светом проститься. Смерть разрешает, Ирод поет: «Близко Дону, близко Тихого Дуная»; снова является Смерть и подрезывает Ирода косой. Входит «команда» и уносит Ирода с песней: «Понеси душу в ад, в вечное жилище, так и черти говорят про его светлице». Затем идет обычное представление «Царя Максимилиана. . .»¹

Известны случаи представления «Царя Ирода» и в Белоруссии. Здесь «Царь Ирод» обычно шел одновременно с «Царем Максимилианом»; сводная пьеса носила название «Мушкарата»; по словам Е. Р. Романова,² этот «Мушкарат» неоднократно ставился в г. Гомеле и Белице.

2

Обзор известных нам записей и пересказов драмы о царе Ироде показывает, что все варианты этой игры, несмотря на расхождения в частности, несомненно восходят к одному общему источнику. Этим источником, связывающим драму «Царь Ирод» с нашей школьной рождественской драмой XVII—XVIII вв. и ее многочисленными западноевропейскими предками, был бродячий народный кукольный театр «вертеп» или «батлейка».

Вспомним содержание вертепной драмы. Начинается она, по варианту Г. П. Галагана, наиболее полному из пока известных, с появления на сцене двух ангелов. Один из них будит спящих пастухов и сообщает им о рождении Христа. Хор поет «Слава в вышних богу. . .» Пастухи встают и с ягненок в руках идут поклониться новорожденному. Появляется царь Ирод. Ему навстречу идут три волхва. Ирод спрашивает их, куда они идут и кому несут «такие драгоценные дары». Волхвы говорят, что идут поклониться «Христу новорожденному». Ирод просит их и его известить о месте рождения Христа, чтобы и он мог поклониться ему, как царю. Затем волхвы поклоняются Христу, приносят ему дары и, по внушению ангела, не заходя к Ироду, а возвращаются домой другим путем. Ирод в гневе зовет воинов и приказывает им обойти все города и пределы его царства и беспощадно избить всех младенцев. Воины уходят. Хор поет: «Перестань рыдать, печальная мати. . .» Во время пения хора воин ведет к Ироду Рахиль, держащую на руках ребенка. Воин сообщает Ироду, что приказ его выполнен: во всех городах дети убиты, в живых остался только младенец Рахили, «которая хочет

¹ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере. Изв. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1909, т. XIV, кн. 4, стр. 227.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник. VIII. Вильна, 1912, стр. 73.

заменить его смерть собою». «Что велишь: убить или жизнь ему даровать?» — спрашивает Ирода воин. Ирод приказывает убить ребенка. Воин исполняет приказ. Рыдающую Рахиль утешает хор: «Не плачь, Рахиле, видя чадо не живое. . .» Воин прогоняет Рахиль. Ирода томит предчувствие смерти. Он приказывает воинам встать у порога и на впускать к нему Смерть. Хор предвозвещает Ироду грозящую ему участь. Является Смерть: «Что ты, Ироде несытый, почто сие болтаешь, меня убити своим воинам повелеваешь! Я в помощь призову своего брата из пропасти ада. Будешь, будешь знать, как убивать неповинные чада!» Смерть зовет Чорта. Входит Чорт и, узнав в чем дело, советует Смерти, сестре своей, поднять косу и ударить Ироду «во главу». При виде Смерти Ирод обнаруживает заносчивость и величается своею славою, богатством и силою. «Безумне!», говорит Смерть Ироду. «Всего свята я сильнее нахожуся и от начала века никому не поклонюся. . .» Она напоминает Ироду, что ей подвластны все «парие и князие», берет косу и поражает ею Ирода. Чорт подходит к убитому Ироду и уносит его. Хор проклинает Ирода.¹

Как видим, сюжет драмы «Царь Ирод» буквально соответствует вертепному сценарию: одни и те же сцены, одна и та же последовательность в их чередовании.

Исключение представляет только сцена поклонения пастухов новорожденному Христу; во всех известных нам вариантах драмы о царе Ироде она отсутствует; ее не было, повидимому, и в архетипном тексте драмы: то, что сравнительно легко можно было изобразить при помощи кукол на специально приспособленной для этого вертепной сцене, могло представить целый ряд серьезных затруднений при исполнении этой же сцены живыми актерами. В архетипном тексте драма о царе Ироде, вероятнее всего, началась сценой прихода к Ироду волхвов; утраченная большинством вариантов драмы сцена эта сохранилась в варианте А. Смирнитского, правда, без эпизода поклонения волхвов Христу, эпизода, который, повидимому, выпал по тем же причинам, по которым не вошла в состав драмы сцена поклонения Христу пастухов. В херсонских вариантах драмы В. Ястребова и А. Смирнитского промежуток времени между приказанием Ирода об избивении вифлеемских младенцев и возвращением воина заполнен песней хора, в которой рассказывается о бегстве Иосифа и Марии в Египет; отсутствующая в Галагановском вертепе, эта песня известна вертепу Славутинскому.² О теснейшей связи драмы о царе Ироде именно с вертепным сценарием рождественской мистерии в особенности наглядно свидетельствует сцена с Рахилью. Отметим, что во всех пока известных школьных драмах рождественского цикла Рахиль никогда не появляется; в «Комедии на рождество христово» Дмитрия Ростовского вертепной сцене с Рахилью соответствует песня хора и аллегорический «Плач и рыдание о убиенных отрочат подобием плачевной Рахили»;³ в анонимном «Действии на р. х.» — плач «Дщери

¹ См. С. Марковский. Украинський вертеп. У Києві, 1929, стр. 40—61.

² См. С. Марковский. Ibid., стр. 145—146, 152—153.

³ В. І. Рєзанов. Драма Українська. ІV. Шкільні діяства різдвяного циклу. У Києві, 1927, стр. 128—132.

Сионской»;¹ в «Комическом действии» М. Довгалевского имя Рахили вообще не упоминается. Сцена между Иродом и Смертью, по большинству вариантов драмы о царе Ироде, представляет собою диалог — торг Ирода со Смертью: Ирод сперва просит отсрочки обычно на три года, затем на три месяца, на три дня и, наконец, на три часа. Те варианты драмы, которые не знают этого мотива, очевидно, ближе воспроизводят архетипный текст драмы, так как ни один из известных нам вертепных текстов этого мотива также не знает. «Царь Ирод», нет сомнения, этим мотивом обязан драме о царе Максимилиане, точнее, одному ее эпизоду, а именно сцене между Аникой-воином и Смертью.

Из числа всех известных нам вариантов «Царя Ирода» наиболее тесную связь с вертепной драмой обнаруживает вариант А. Малинки. Эта связь сказывается и в песне хора: «Не плач, Рахыля, дытя твое жыве. . .», песне, неизвестной остальным вариантам, и в отсутствии сцены торга Ирода со Смертью, и в наличии интермедийных сенок с Донским казаком и евреем, цыганом и цыганкой. Связь настолько сильна, что невольно возникает вопрос, не вторичного ли происхождения «Царь Ирод» в записи А. Малинки, не «составлен» ли он действительно солдатом Котляревским на основе какого-то вертепного сценария, независимо от драмы об Ироде. Так это или не так, сказать трудно. Не исключена, впрочем, возможность, что А. Малинке удалось записать драму о царе Ироде в варианте, по составу наиболее близком к архетипу. Отсутствие интермедийных сенок вертепного происхождения во всех остальных известных нам вариантах «Царя Ирода» еще ни о чем не свидетельствует: они могли естественно выпасть, когда «Царя Ирода» присоединяли, как это бывало, к «Царю Максимилиану». Одновременное в ряде случаев исполнение обеих пьес — факт, который вообще многое объясняет нам в литературной судьбе «Царя Ирода». Обе драмы, соединенные в одну сводную пьесу, не могли не оказать известного влияния друг на друга. Во всяком случае примеров прямого воздействия «Царя Максимилиана» на драму о царе Ироде можно указать немало. Сюда относятся сцена торга Ирода со Смертью, несомненно навеянная диалогом Аники-воина и Смерти, диалогом, известным почти всем вариантам «Царя Максимилиана», — появление самого Аники-воина в варианте М. Васильева, «скорохода-фельдмаршала» — в чекуевских вариантах. Воздействием «Царя Максимилиана» объясняется также эпизод, которым заканчиваются варианты М. Васильева и А. Смирницкого и которому мы тщетно стали бы искать параллели в вертепных текстах: «Аника-воин» первого варианта и «Старший воин» — второго, проводив Ирода в ад, решают кончить жизнь самоубийством, но, обдумав, идут служить новому господину, «неверному королю Мамаю»; аналогичную сцену знают некоторые варианты «Царя Максимилиана», именно Е. Р. Романова,² А. И. Мякутина³ и Н. Е. Ончукова:⁴ после смерти короля Мамаю его «пле-

¹ В. И. Рязанов. *Ibid.*, стр. 162—164.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник. V. Витебск, 1891, стр. 281.

³ А. И. Мякутин. Песни Оренбургских казаков. IV. СПб., 1910, стр. 302.

⁴ Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, стр. 43—44.

мянник» или «гонец» с горя кончают жизнь самоубийством даже тогда, когда им удается поступить на службу к царю Максимилиану. Нам известны, наконец, случаи полной ассимиляции «Царя Ирода» с драмой о царе Максимилиане.¹

Когда возникла драма о царе Ироде, сказать трудно. А. Сулоцкий² утверждает, что «Царь Ирод» разыгрывался тобольскими семинаристами уже в XVIII в. на ряду с «Максимилианом», «Фомкой» и «Калифом на час».

3

Зимой 1896/1897 г. в местечке Славуте Заславского уезда Волынской губернии этнограф В. А. Мошков записал два варианта драмы «Царь Ирод». В представлении первого варианта принимали участие парни 18—20 лет; второго — мальчики 13—14 лет. Запись вместе с театральными аксессуарами, а также четырьмя фотографическими снимками, в свое время была передана В. А. Мошковым в Городецкий музей Ф. Р. Штейнгеля, где она и хранилась до 1917 г.³

В своем письме по поводу этой драмы, частично опубликованном Е. Марковским,⁴ В. А. Мошков сообщает следующие сведения. Представления «Царя Ирода» в местечке Славуте происходили на рождественских святках. Пьеса исполнялась двумя труппами. «У этих трупп для их представлений не было, разумеется, никаких декораций; все их театральное имущество состояло из их костюмов, которые они вновь шили на каждое рождество, и палатки, в которой помещался трон Ирода (попросту табуретка)». Царь Ирод, по воспоминаниям В. А. Мошкова, изображался «в солдатском мундире, поверх которого накинута красная мантия; он подпоясан широким кушаком, оклеенным золоченой бумагой; через левое плечо повешена цветная бумажная орденская лента, а через правое — шашка на португусе, обклеенной золотой бумагой; на голове картонная корона, обклеенная золоченой бумагой, на руках белые перчатки». «Хранитель» Ирода выступал «в обыкновенной мариновке с золотыми галунами на груди, с лентой через плечо и с шашкой; на голове невысокая цилиндрическая шапочка с пером». Воины — «в корот-

¹ См. сборн. ОРЯС АН, т. ХС, № 7. СПб. 1914, стр. 186—187.

² А. Сулоцкий. Семинарский театр в старину в Тобольске. Чтения в Общ. истор. и древн. рос. при Московском унив., 1870, кн. 2, т. V, стр. 157.

³ Н. Беляшевский. Отчет Городецкого музея Волынской губернии барона Ф. Р. Штейнгель, за первый год, с 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1897 г. Варшава, 1898, стр. 32. Материалы Городецкого музея после революции были переданы Историческому музею им. Т. Шевченко в Киеве. Среди этих материалов, однако, не оказалось записи «Царя Ирода»: рукопись исчезла. Не удалось отыскать ее и Е. Марковскому, который недавно сообщил некоторые новые подробности о постановке этой драмы в м. Славуте на основании письма к нему В. А. Мошкова от 1917 г. Весною 1937 г. мне совершенно случайно удалось приобрести эту утерянную рукопись вместе с фотографическими снимками в Киеве у одного букиниста на базаре, в руки которого она каким-то образом попала. Эта находка дает нам новый, в историко-литературном отношении небезинтересный материал для характеристики литературной судьбы «Царя Ирода».

⁴ Е. Марковский. Український вертеп. У Кліві, 1929, стр. 137—140, 156—160.

ких мундирах из ситца, в кожаных кушаках с бляхой, с пашками через плечо; на головах каски из золоченой бумаги; у одного из них кроме пашки пика». Рахиль — «хлопец, одетый в женское платье с тряпичной куклой в руках». Чорт — или «в обыкновенной маринарке с черной маской на лице, с рогами», или «в полушубке, вывороченном наизнанку». Смерть — «хлопец с накинутой на голову простыней, в белой маске, с деревянной косой в руках». Волхвы одеты «в красные мантии из кумача, с золотыми коронами на головах». Книжник — «в старинном еврейском костюме, в белых чулках и туфлях, с длинными пейсами, в меховой шапке»

Первый вариант драмы в записи В. А. Мошкова читается так (текст воспроизвожу точно по рукописи, но по новой орфографии):

Перед зрителями стоит палатка с двумя занавесями; на первой занавеси наклеена икона рождества Христова, на второй — звезда. Хлопцы, стоящие за палаткой, поют коляду.¹ Выходят два воина (после пения коляды); они одеты в светлозеленые мундиры и красные штаны; поднимают сначала первую занавесь (по местному — «заслону»), потом вторую. В палатке на троне сидит Ирод

Фиг. 1.

Ирод. Хранитель, выступи к трону.

Хранитель. Здравствуй, царь Ирод, на что свою верную слугу призываешь? На какой указ повелеваешь? Что хошь сказать? Куда хошь послать? Желание исполню.

Ирод. Призови мне моих воинов. Приходят воины и, держа пашки на караул, говорят: Царь Ирод, чего изволишь?

Ирод. Стушайте мне отыщите Рахилью с младенцем.

Воины. Слушаем и исполняем.

Через несколько времени они возвращаются и говорят: Везде искали и не нашли Рахилью с младенцем.

¹ Ср. Х. Сакович, «Духовные песнопения», Почаев, 1887, стр. 12.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

И р о д. Ступайте под Кавказские горы, хорошенько разыщите и приведите их ко мне.

В о и н ы. Слушаем и исполняем.

Через несколько времени возвращаются: Нашли, только стража стоит, нельзя ей оттудова взять.

А

И р о д. Я этого знать не знаю, мне стражу разбейте и приведите пред мои глаза.

В о и н ы. Слушаем и исполняем.

В

Ге же и Рахиль.

Ра х и л ь. Царь Ирод, чего изволишь?

И р о д. Где ты пряталась?

Ра х и л ь. Я нигде не пряталась, только свое дитё прятала.

И р о д. Я тебе велю его казнить к смерти.

Ра х и л ь (задом к публике). Царь Ирод, лучше не казни дитя, казни меня.

И р о д. Ты мне не нужна, только твое дитё.

Ра х и л ь. Дай моему дитю хоть на три дня жизни.

И р о д. Не дам даже на три минуты.

Ра х и л ь. Дай хоть на два дня жизни.

И р о д. Даже на две минутки не дам.

Ра х и л ь. Дай хоть на один день жизни.

И р о д. Даже на одну минутку не дам, бо со мно(й) не разговаривай, катуй, катей.

Солдаты поднимают ребенка на пику и уносят его; за ними уходит Рахиль.

С

Приходит Смерть с косой.

С м е р т ь. Их ты, Ирод, погибшая душа, погибнешь ты сию минуту.

И р о д. Смерть моя дорогая, чего жь ты так скоро по мене пришла, почему ты не дала мне хоть на три дня жизни?

С м е р т ь. Даже на три минуты не дам.

И р о д. Дай хоть на два дня жизни.

С м е р т ь. Даже на две минуты не дам.

И р о д. Дай мне хоть на один день жизни.

С м е р т ь. Даже на одну минуту не дам. Тотчас ты погибнешь, сею минуту

Ирод, при виде Смерти, становится на колени. Смерть, при последних словах, дотрогивается до него косой и уходит. Ирод остается стоять на коленях, но опускает ниже голову. Приходит Чорт.

Ч о р т. Ха, ха, ха, Ирод, проклятая душа. Я на тебе ждал 37 лет и три года, покуда до тебе дождался. Теперь пойдя за свои дела в пекло.

Чорт толкает Ирода за палатку.

Д

Приходит один из воинов и говорит, глядя на пустую палатку:

В о и н. Нет нашего царя Ирода, верно его смерть взяла.

Является Хранитель.

Х р а н и т е л ь. Феодул, что губы надул?

В о и н. Как мне губы не надувать, когда нашего царя Ирода нет?

Х р а н и т е л ь. Почему жь ты на страже не оставался?

В о и н. Это тебе надо было остаться.

Х р а н и т е л ь. Нет тебе.

В о и н. Нет тебе.

Х р а н и т е л ь. Пойдем сражаться, увидим, кому надо было остаться

Сражаются. Хранитель убивает воина.

Приходит Чорт.

Ч о р т. Ха, ха, ха! Счастье за счастьем, один за другим. Пойди за свои дела в пекло (толкает его).

Е

Выходит другой воин и говорит, поднявши кверху копьё:

В о и н. Что я за воин, что я за герой, вот мое копьё, вот моя защита, моего дедушки Атита. Мой дедушка был Атит, со всеми богатырями бит. Я млад юноша остался, в Миоланом я дрался и то ему не поддавался. Выходи, кто на стране, не поддамся и самому сатане. Правой рукой города разбиваю, левой рукой села и башни под облака бросаю.

Приходит первый воин (уже убитый).

1 - й в о и н. Если бы ты в наших змеиных пещерах бывал, даже твой прах бы не существовал.

2 - й в о и н. Я в ваших змеиных пещерах бывал, таких молодцов, как ты, по семьсот убивал и тебя убью.

Они бьются, и первый воин убивает второго. Приходит Чорт.

Ч о р т. Ха, ха, ха. . . Счастье за счастьем. Взял двух, наготовленный третий. Пойди и ты за свои дела в пекло.

Вариант в т о р о й.

Два волхва подходят к палатке Ирода.

В о л х в ы. Здравствуй, Ирод.

И р о д. Здравствуйте. Что вы за люди?

В о л х в ы. Мы волхвы, т. е. мудрецы, живем на востоке и по звездам узнаем судьбу каждого человека. И вот мы увидели необыкновенную звезду и узнали, что должно быть родилось какое-нибудь божеское лицо и пришли спросить тебя. Как есть в твоём владении, то Расскажи нам, а как нет, то мы пойдем дальше.

И р о д. Постойте, сейчас позову книжника.

К н и ж н и к (одет евреем, с книгой в руках). Чего изволишь, царь Ирод?

И р о д. Кто в этое время должен родиться?

К н и ж н и к (раскрывает книгу). В этое время должен родиться царь иудейский в городе Вифлееме, потому что сказано через пророков.

Опускается занавесь с рождеством. В это время хор поет коляду, В это время приходят волхвы и поклоняются рождеству. После того открывается занавесь, приходят два воина и говорят:

В о и н ы. Царь Ирод, чего изволишь?

И р о д. Идите у город Вифлеем, избивайте младенцев мужеского пола до двухлетнего возраста и разыщите между ними царя иудейского.

В о и н ы. Слушаем и исполняем (*уходят*).

Хор поет коляду (продолжение).

В о и н ы (*возвращаются*). Всех младенцев избили до 14 тысяч, но царя иудейского не нашли.

И р о д. Идите, разыщите Рахилью с младенцем и приведите ее ко мне.

В о и н ы. Слушаем и исполняем

Хор поет коляду (продолжение).

В о и н ы. Нашли, только стража большая, нельзя взять ее оттуда.

Затем см. 1 вар. от А до В.

Хор поет коляду (продолжение).

Затем см. 1 вар. сцены с Рахилью, от В до С.

По уходе Рахили хор поет коляду (продолжение)

См. далее 1 вар. сцены со смертью, от С до Д.

Хор поет коляду (конец).

Приходит Еврей и во время предыдущего пения плачет над Иродом. Приходит Чорт и булавою (мягкой) убивает еврея, и еврей уходит. Далее вар. 1 от Д до Е. После этого Чорт садится на троне Ирода и жестами выражает свою радость. Приходит Воин.

В о и н. Что за чортова харя сидит на троне? Я тебе череп разможжу шашкой.

Ч о р т. Ты хочешь со мной драться? Я всех неверных побил и тебя убью и в пекло заберу (берет воина на руки и уносит).

Оба варианта драмы «Царь Ирод» в записи В. А. Мошкова сходны между собою; взаимно дополняя друг друга, они, несомненно, восходят

к общему прототипу. И тот и другой варианты прежде всего замечательны тем, что удостоверяют факт бытования драмы о царе Ироде не только в виде приложения к «Царю Максимилиану», но и в виде совершенно самостоятельной, независимой от «Максимилиана», пьесы. Пьеса эта, как показывают обе записи В. А. Мошкова и вариант А. Малинки, помимо своего «основного сюжета», рождественской мистерии, имела и свою собственную серию дополнительных сценок интермедийного характера.

В историко-литературном отношении варианты В. А. Мошкова интересны: первый — сценой поединка двух воинов царя Ирода, второй — сценой прихода к Ироду волхвов.

Сцена прихода к Ироду волхвов большинству вариантов драмы неизвестна кроме В. А. Мошкова ее удалось видеть только А. Смирнитскому. В варианте А. Смирнитского волхвы, навестив Ирода и сообщив ему, что идут «поклониться новорожденному младенцу», уходят, и этим вся сцена заканчивается; в варианте В. А. Мошкова налицо весь комплекс мотивов традиционной драмы-игры: приход к Ироду волхвов, вызов книжника, удостоверяющего факт рождения царя иудейского в Вифлееме, поклонение волхвов новорожденному Христу. Обращает на себя внимание в варианте В. А. Мошкова эпизод вызова Иродом ученого «книжника». Хорошо знакомый нашим школьным драмам рождественского цикла,¹ этот эпизод вертепным текстам почти неизвестен; его знают только польско-украинская вертепная драма по рукописи конца XVIII в., изданная И. Франко,² и один белорусский вариант драмы, опубликованный Е. Р. Романовым.³

Сцена поединка двух воинов царя Ирода первого варианта В. А. Мошкова, частично известная и второму, интересна как пример, в особенности показательный, прямого воздействия на нашу драму «Царя Максимилиана». Сцены поединков, правда, знакомы и вертепному театру; в ряде белорусских текстов вертепного представления нередки случаи появления двух всадников, из которых один убивает другого, «Александр Македонский» — «Пора Индейского»; рыцарь христианский — турецкого; казак — турка.⁴ В данном случае мы, однако, имеем дело с заимствованием именно из «Царя Максимилиана», как видно из сравнения сцены поединка в записи В. А. Мошкова с одним из вариантов «Царя Максимилиана»:

Запись В. А. Мошкова Царь Максимилиан

Что я за воин, что я за герой, вот Я есть воин и герой! Стану я на
мое копые, вот моя защита, моего горы — горы трещат; гляну я на

¹ См. В. И. Резанов, *ibid.*, стр. 123—125, 159.

² И. Франко. До історії українського вертепа XVIII в. Львів, 1906 (Відбитка з «Записок Наукового Товариства ім. Шевченка», тт. LXXI—LXXIII), стр. 42—43.

³ Е. Р. Романов. Белорусский сборник. VIII. Вильна, 1912, стр. 76.

⁴ См. Е. Р. Романов, *ibid.*, стр. 80 и 100. Ср. П. В. Шейн, «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края», т. III, СПб., 1902, стр. 130—131; А. Тарнавский, «Вертеп в Духовщине». Киевская старина, 1883, № 3, стр. 664.

дедушки Атита. Мой дедушка был Атит, со всеми богатырями бит. Я, млад юноша, остался, с Миоланом я дрался и то ему не поддался. Выходи, кто на стране, не поддамся и самому сатане. Правой рукой города разбиваю, левой рукой села и башни под облака бросаю...

... Если бы ты в наших змеиных пещерах бывал, даже твой прах бы не существовал.

— Я в ваших змеиных пещерах бывал, таких молодцов, как ты, по семьсот убивал и тебя убью.

воды — воды кипят!.. Вот моя награда, вот моя защита — от дедушки Тита. Мой дедушка Тит был двенадцатиглавым змием убит; но я, млад юноша, остался, было бы их двое — и то б я не поддался! Кто есть в сей стране? Выходи! — Не поддамся самому сатане!¹

... Ах, ты, распроклятый Змеулан! Ты не знаешь, как я в ваших пещерах и дебрях бывал, по семисот таких храбрецов убивал. — ... Если бы ты в наших пещерах и дебрях бывал, твой дух и прах на сем свете не существовал...²

¹ Сборн. ОРЯС АН, т. XC, № 7. СПб., 1914, стр. 187.

² Там же, стр. 181—182, 184.